

Разбойники пера

Алексей ГОРШЕНИН

НЕ В ЕФТИМ ДЕЛО

Иронические рассказы

Дефицитная закуска

К концу семидесятых годов прошлого века тотальный дефицит стал уже вполне знаковым явлением. Не обнаруживалось на прилавках того, другого, третьего... Нормальной селедки на закуску и той днем с огнем не сыскать.

И вот встретились как-то раз два главных редактора «Сибирских огней». Один бывший – Александр Иванович Смердов, а другой – Анатолий Васильевич Никульков – настоящий. Пару лет назад один сменил другого на боевом литературном посту. Но время от времени встречались они в родных для обоих редакционных стенах, обсуждали дела, говорили «за жизнь», смачивая горло соответствующими напитками.

Александр Иванович пришел на сей раз не с пустыми руками. На зеленое сукно громадного, как стадион, редакторского стола, за которым пересидели, наконец, все предыдущие руководители журнала, Смердов выставил бутылку «Столичной» и торжественно развернул сверток из грубой толстой бумаги, в какую тогда повсеместно заворачивали продавцы покупателям продукты. Взору предстала крупная жирная красивая селедочка, одним своим видом возбуждавшая обильное слюноотделение.

– Тихоокеанская. Знакомый поэт из

Владивостока на днях угостил, – объяснил Смердов и добавил с гордостью счастливого обладателя дефицита: – В Новосибирске такой не найдешь.

– Хороша! – ласково, как девушку, потискав селедку за малосольные бока, выразил свое восхищение Никульков.

Разделав обитательницу далекого Тихого океана, коллеги взялись за трапезу. Водка под такую селедочку пролетала в горло мелкими пташками, а сама рыбка просто таяла во рту.

За разговорами приговорили принесенную Смердовым бутылку. С сожалением глянув на пустую посудину, хозяин кабинета опустил ее в урну для бумаг, стоявшую возле тумбы стола. Туда же отправил сверток с селедочными потрохами.

Посидели немного еще, покурили. Водочное тепло в организме обволакивала селедочная благодать. Расходиться не хотелось. Душа требовала продолжения. Анатолий Васильевич, очередной раз пыхнув сигареткой, решительно поднялся и направился к сейфу. Порывшись, извлек из металлического нутра точно такую же «Столичную».

– Держу на всякий пожарный. Мало ли...

Смердов одобрительно кивнул. Будучи главным, и он в этом сейфе всегда держал НЗ.

Никульков распечатал бутылку, разлил, но тут же озадаченно посмотрел на Александра Ивановича:

– А закусывать чем станем? У меня – шаром покати.

Смердов несколько мгновений молчал, обдумывая ситуацию, а потом, нагнувшись, запустил руку в урну и извлек оттуда сверток с селечочными встатками. Развернув бумагу, осмотрел содержимое и удовлетворенно констатировал:

– Нормально, есть еще что обглодать!

И коллеги продолжили задушевный разговор...

Как ваш адрес?

Главному редактору журнала «Сибирские огни» Смердову нередко приходилось засиживаться допоздна в своем кабинете за чтением рукописей. При этом он не выпускал изо рта свою знаменитую слегка изогнутую трубку. Трубка дымила, горящий табак потрескивал, стреляя иногда огненными искрами. Одна из них однажды угодила в урну с бумагами.

Смердов, погруженный в работу, этого не заметил и спохватился, только почуяв запах горелой бумаги. Глянув в урну, он обомлел. Набитая бумагой урна взялась огнем. В испуге Александр Иванович схватился за телефон, набрал «01» и взволнованно закричал в трубку:

– У нас горит!.. Я сидел, работал... Глянул вот – горит!..

И услышал из трубки меланхоличный голос:

– Не в ефтим дело. Как ваш адрес?..

Давай работать!

Однажды к редактору газеты «Советская Сибирь» пришел молодой тогда еще поэт Юниль Булатов и предложил для публикации свои стихи. Редактор в стихах был не силен, но знал, что ими балуется научный обозреватель Ролэн Нотман. Ему и поручил разобраться, а если что сгодится, то и напечатать. Нотман стал разбираться. Какую-то изюминку в сочинениях Булатова он увидел, хотя с технической, литературной стороны они были написаны, мягко говоря, неважно. Однако Нотман к редакторским заданиям подходил

всегда ответственно, порученное выполнял добросовестно и тщательно. Так было и на этот раз. Он выбрал из рифмованного полуфабриката Булатова пару наиболее, на его взгляд, заслуживающих внимания стихов, отредактировал, а точнее заново их переписал согласно своему поэтическому ощущению, а заодно нормам и правилам русского языка, и отправил в набор.

А через некоторое время после публикации в кабинете Нотмана нарисовался сам автор стихов, положил журнальцу на стол мятые бумажные листки и сказал тоном, не терпящим возражений:

– Вот, новые написал, давай работать!..

Как приходит слава

Поэту Юрию Буланкину со славой не везло. И стихи вроде неплохие писал, в узком кругу отмечали, но всенародного признания как-то не получалось. Да и времена наступили трудные: серьезной трибуны, чтобы заявить с нее о себе на весь белый свет, нет, гоноров не платят, критики в поисках куска хлеба рекламируют и прославляют не тех, кого надо. А в таких условиях где и как бедному провинциальному поэту получить признание?

А тут еще и несчастье с Буланкиным приключилось. Копался у себя на садовом участке и – на тебе! – клещ, зараза, цапнул. Заметил его Буланкин поздно, когда тот уже успел кровушки творческой напиться и раздуться шариком. Схватился поэт за этот шарик с целью выдрать его из тела своего, да не вырвал, а только оторвал, хоботок, самую опасную часть клеща в теле оставив. Сначала думал – обойдется, но через несколько дней поднялась температура, и перепуганный Буланкин помчался к врачам.

Заканчивался май, волна клещевых укусов стремительно росла, а гарантии того, что полакомился тобой клещ обычный, а не энцефалитный, не было никакой, поэтому Буланкина на время инкубационного периода положили на всякий случай в больницу.

Прихватил Буланкин с собой в больницу палату стопку собственных поэтических сборников и раздаивал их с автографами медперсоналу. Чтобы знали, какое лица не общее выражение

находится в их больнице среди рядовых пациентов.

Лежали в больнице с разными болячками, но все одинаково томилась бездельем и скукой, усугубляемой тем, что больным категорически запрещалось выходить за территорию лечебно-го заведения. А так как хотелось броситься в объятия благоухающему за больничным забором черемухой и сиренью маю-чародею и баловнику.

По телевизору между тем звучала все более пугающая статистика укусов клещей. Тема была по сезону модная и актуальная. И вот однажды по больнице прошел слух, что к ним едет телевидение.

И оно действительно приехало. В лице бородатого долговязого парня с камерой и миловидной блондиночки в джинсиках и короткой кофточке, обнажающей полоску ее сексуального животика. Их сопровождал главврач больницы. Все трое направились напрямиком к Буланкину. Вот он, – ткнул в него пальцем главврач, – поступил к нам неделю назад после укуса клеща с температурой, ломотой в костях – первичными признаками клещевого энцефалита. Наблюдаем за ним на стадии инкубационного периода.

Никакой ломоты в костях Буланкин не чувствовал, температура сразу же, как попал сюда, исчезла, но возражать не стал. Полоска голого животика девушки интересовала его сейчас куда больше врачебной истины.

– Здравствуйте! – сказала телевизионщица. – Как вас зовут?

Буланкин назвал.

– Как это произошло? – спросила девушка.

– Да очень просто. Копался в саду, обдумывал стихотворение, искал рифму подходящую, а он тут меня и укусил. Нарушил, можно сказать, творческий процесс, – рассказывал Буланкин. Он видел, как у журналистки округляются от удивления глаза, и вдохновлялся еще больше. – Это зловерное и коварное насекомое никого не щадит: ни малого, ни старого, ни простого работягу, ни академика, ни поэта. Для него мы все равны. Слово он – сама матушка-природа...

– Так вы поэт!? – воскликнула журналистка.

– Да! – с гордостью отозвался Буланкин.

Метнувшись к тумбочке, он извлек оттуда свою книжечку и, начертав автограф, передал ее телевизионщице с полными высокого пафоса словами:

– Прочтите и убедитесь, что настоящую поэзию никакой клещ не в силах погубить!..

А вечером по городским новостям Буланкин вместе с сопалатниками лицезрел сюжет со своим участием. Утром тот же сюжет показали по другому каналу, затем в московских «Вестях», потом в какой-то программе на медицинскую тему... Журналистка с оператором были молодцы – ничего не упустили, не обрезали. Крупным планом показали Буланкина и его книжку.

На следующий день Буланкин стал самым известным и авторитетным человеком в больнице. А когда вышел из нее, не раз чувствовал на себе взгляды идущих мимо прохожих. Слава шла за ним по пятам. И жалел Буланкин в эти моменты только о том, что клещ не укусил его лет на десять раньше, когда он был моложе, пригоже и мог бы с успехом закадрить такую вот журналисточку.

Веская причина

Пришел устраиваться в газету молодой человек. Кепка, пиджачок, штаны, заправленные в солдатские кирзачи. Выправка армейская. Через каждое слово – так точно! Ясное дело – только что демобилизовался. Долго с ним редактор газеты беседовал. О службе спрашивал, об образовании, журналистском призвании и прочих вещах. Служивый, переминаясь от волнения с ноги на ногу, и отчаянно скрипя при этом кирзовыми сапогами, отвечал на вопросы. И призвание у парня было, и два курса журфака до армии отучиться успел, и в военной газете материалы свои во время срочной службы печатал, и даже стихи писал... Но все же не взял его на работу редактор.

– Да в чем же дело, Иван Иванович? – узнав об этом, удивился ответственный секретарь, переживавший за служивого. – Парень-то вроде ничего?

– Ничего, – согласился редактор. – Только вот... ноги сильно скрипят.